

Шаукенова З.К., Бурова Е.Е.,
Бектенова М.К.

**Феномен религиозности
в современном Казахстане
(социологический взгляд)**

Религия в современных обществах выступает как стратегический ресурс не только в масштабах глобального, регионального, но и национально-государственного развития. Религиозность становится эпифеноменом не только в контексте своей бытийности как значимая характеристика ментальности, но и как институциональная система. Проявляясь как одна из фундаментальных характеристик ментальности, религиозность указывает на вовлеченность индивида, группы, общества в религию как институциональную систему, регулирующую жизнь сообществ при помощи символических систем убеждений, соответствующих ритуальных практик и традиций. Изучение состояния, образа, динамики, тенденций религиозности помогает понять тренды социетальных сдвигов, что чрезвычайно важно в разработке механизмов и стратегий общественного развития. Исследование феномена религиозности в казахстанских условиях актуализировано в связи с новыми идентификационными стратегиями личности, групп и общества. В условиях постсекуляризма важное значение получают процессуальные характеристики религиозности, которые изучаются социологией религии.

Ключевые слова: государственная политика в отношении религии, индикаторы религиозности, мировоззрение, мониторинг религиозности, модель религиозности.

Shaukenova Z.K., Burova E.E.,
Bektenova M.K.

**The phenomenon of religiosity
in modern Kazakhstan (the
sociological view)**

Religion in contemporary society acts as a strategic resource, in the global, regional, and national and state developments. Religiosity becomes an epiphenomenon, not only in the context of its beingness as a significant characteristic of the mentality, but also as an institutional system. Manifesting itself as one of the fundamental characteristics of mentality religiosity points to the involvement of individuals, groups and society as a religion as the institutional framework governing the life of the communities with the help of symbolic belief systems corresponding ritual practices and traditions.

The study of the states, the dynamics and the trends of religiosity helps to understand the trends of societal changes, which is extremely important in the development of mechanisms and strategies of social development.

Key words: State policy on religion, indicators of religiosity, world-view, monitoring of religiosity, model of religiosity.

Шаукенова З.К., Бурова Е.Е.,
Бектенова М.К.

**Қазіргі Қазақстандағы
діндарлықтың феномені
(әлеуметтанулық көзқарас)**

Дін қазіргі қоғамдарда тек жаһанды, жергілікті ауқымдарда ғана емес, сонымен бірге ұлттық-мемлекеттік дамудың да стратегиялық қоры ретінде шығады. Діндарлық ділдің мәнді сипаттамасы ретіндегі өзінің болмыстық қасиеті аясында ғана емес, сондай-ақ институционалды жүйе ретінде де эпифеноменге айналады. Ділдің іргелі сипаттамасының бірі ретінде айқындала келе діндарлық жеке адамның, топтың, қоғамның дінге қауымдастықтардың өмірін символикалық нанымдар жүйесі, сәйкес салтық тәжірибелер мен дәстүрлердің көмегімен реттейтін институционалды жүйе ретінде тартылатынын көрсетеді. Діндарлықтың қалпын, бейнесін, серпін, үрдістерін зерттеу бізге социеталды қозғалыстардың трендтерін түсінуге мүмкіндік береді, ол қоғамдық дамудың механизмдері мен стратегияларын қалыптастыруда өте маңызды. Діндарлық феноменін қазақстандық жағдайында зерттеу тұлғаның, топтар мен қоғамдардың жаңа идентификациялық стратегияларына байланысты өзектеле бастады. Постсекуляризм жағдайында дін социологиясы зерттейтін діндарлықтың процессуалды сипаттамалары ерекше маңызға ие болады.

Түйін сөздер: дінге қатысты мемлекеттік саясат, діндарлықтың көрсеткіштері, дүниетаным, діндарлық мониторингі, діндарлық моделі.

**ФЕНОМЕН
РЕЛИГИОЗНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
КАЗАХСТАНЕ
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД)**

Введение

В казахстанском обществе в последние десятилетия изменилась религиозная ситуация, которая проявилась в росте численности верующих (тех, кто следует религиозным заповедям и в соответствии с ними осуществляет свой образ жизни), увеличении числа культовых сооружений, дискуссиях о религиозном образовании и религиоведческом просвещении, трансформации законодательства о религии. Эти и другие тематические рубрикаторы далеко не исчерпывают всего перечня маркеров нового отношения общества к религии и феномену новой религиозности. Тематические контексты общественного дискурса связаны и с обсуждениями внешних форматов религиозности, как религиозная атрибутика в повседневной жизни, и с осмыслением роли, пониманием функции религии как социального института. Несмотря на то, что религия обретает новые (зачастую политически акцентированные) статусы в Казахстане, и в массовом сознании и в экспертном сообществе сосуществуют взаимоисключающие точки зрения на ее роль и функции, на легитимизацию религиозных организаций и соответственно на выстраивание государственно-конфессиональной политики.

Между тем в Казахстане пока не воссоздана общая (в своей тенденциальности) картина казахстанского менталитета с определением в нем религиозной компоненты. Прояснение наличной религиозной ситуации в стране в немалой степени связано с состоянием религиозности населения, с выявлением отношения граждан к этому социокультурному институту, с пониманием его предназначения и возможностей. Одним из трендов развертывания религиозной ситуации становится наступление новой позиции с религиозностью, которая обладает как общими, так и специфическими характеристиками. В трансформирующихся обществах, когда происходит интенсивное переопределение ценностно-смысловых векторов, религиозность в целом объективно проявляется как способ новых идентификационных стратегий для личности и групп, при этом обнаруживается не только ее культурное, но и социальное и политическое влияние.

Более столетия феномен новой религиозности осмысливается в философско-антропологической, феноменологической, социологической, психологической, религиоведческой и др. проекциях. В западных странах на эмпирической базе конкретных социальных исследований разработаны философские, социологические, социально-психологические, культурологические теории, объясняющие новую религиозность. Концептуализация исследований привела к институционализации социологии религии, которая воплощена в академической дисциплине, научной специальности, ее разработка успешно реализуется в исследовательских центрах.

В постсоветском пространстве новая религиозность проявляется как особенность постсекулярного развития, как тренд утратной идентичности и исследуется преимущественно в аксиологическом измерении, которое разделило исследовательские и экспертные сообщества. Неоднозначно воспринимается новая религиозность массовым сознанием, что актуализирует потребность в раскрытии трендов этого феномена, в апробации методов и стратегий его эмпирического исследования, которое возможно репрезентировать в теоретической модели. Немаловажно выявить индикаторы, которые могли бы стать маркерами мониторинга новой религиозности, так как она зачастую создает «новую укрытость», воспроизводит, в том числе, так называемую «конфессиональную анонимность».

Поскольку в современном Казахстане происходят интенсивные идентификационные процессы, включая религиозную составляющую, а религиозность населения является одним из основных мировоззренческих индикаторов, проявляющих трансформацию общества, то эффективную государственно-конфессиональную политику и формирование соответствующей модели светскости государства можно выстраивать только с учетом позиций, сложившихся в массовом и специализированном сознании. Наш взгляд, для обнаружения образа новой религиозности необходимо изучать особенности религиозной самоидентификации населения Казахстана, находить меняющиеся контуры модели религиозности; исследовать характер сдвигов этноконфессиональной идентичности в условиях поликультурного общества.

Для реализации задачи реконструкции модели религиозности в 2012-2014 гг. в Институте философии, политологии и религиоведения КН МОН РК проведены мониторинговые исследования. Методология исследований, методика опро-

сов и примененный инструментарий сопоставимы как по количественным, так и качественным параметрам. Выборка квотная, двухступенная, с охватом 3000 взрослых респондентов из 14 областей Казахстана, а также Астаны и Алматы (в 2012-2013 гг.) с охватом 1000 респондентов (в 2014 г.). Корреляции проводились в зависимости от пола, возраста, этничности, уровня образования, социально-профессиональной принадлежности, типа поселения, региона, уровня дохода респондентов. В 50-ти экспертных интервью участвовали государственные служащие, представители политических партий, лидеры неправительственных организаций, государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов, представители творческой интеллигенции из Астаны и Алматы. Фокус-группы были организованы со студентами казахского и русского отделения педагогического вуза, с магистрантами технической специальности, курсантами казахской и русской групп военного учебного заведения, с молодыми преподавателями негосударственного вуза, с сотрудниками финансового учреждения, с журналистами разных поколений казахоязычного и русскоязычного изданий, с группой пенсионеров, с группой бывших адептов новой религиозной организации.

Основная часть

Выбор мировоззрения: факторы и субъекты воздействия

В последние десятилетия появилось немало экспертных констатаций в отношении религиозности населения Казахстана, его масштабов – прежде всего. Эксперты, как правило, основываются на статистических данных, которые не всегда обладают достаточной валидностью, а отсутствие надежных мониторинговых измерений в социологической перспективе существенно ограничивает возможности для интерпретаций динамики процесса в социально-философском, социально-психологическом, культурологическом и собственно религиоведческом дискурсах. Идентификационные характеристики в отношении мировоззрения (включая ее религиозную компоненту), как правило, закладываются с детского возраста, получают развитие и укоренение в юношеский период и становятся интегральными к моменту социальной зрелости, что, однако, не мешает взрослым индивидам становиться религиозными мигрантами.

Изменение прежних ценностных координат привело с начала 1990-х гг. определенную часть

сограждан к серьезным мировоззренческим трансформациям. С учетом глобальных трансформаций системного характера, которые были вызваны социетальными сдвигами, сограждане из числа взрослого населения меняли мировоззренческие убеждения в последние десятилетия.

На вопрос о времени выбора мировоззрения респонденты только в 37,8% случаев отмечают, что мировоззренческий выбор был predetermined с детства. 43,7% респондентов указали на период совпадения времени выбора мировоззрения с этапом социетальных трансформаций (рисунок 1).

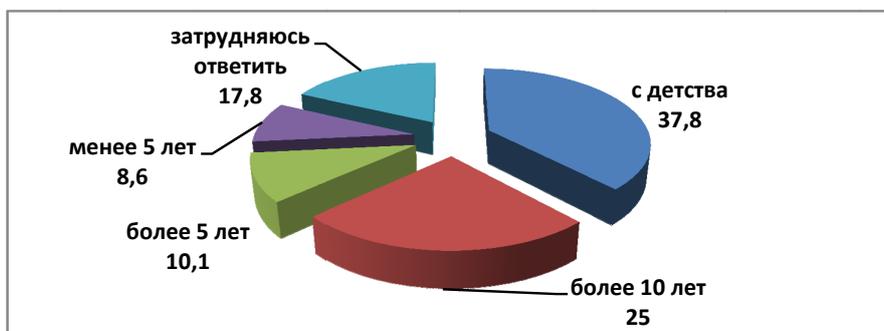

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Как давно Вы выбрали свое мировоззрение?»

На вопрос о векторности изменений собственно религиозных убеждений в последние 3-5 лет респонденты сообщают, что

- отношение к вере и религии не изменилось у 65%, которые считали и продолжают считать себя верующими;
- 8,8% считали себя атеистами и остаются таковыми;
- «покинули» группу верующих и стали атеистами 1,7% респондентов;
- оказались вовлеченными в религиозную конверсию 14,9% респондентов, причем, 12,3% стали верующими, а 2,6% – будучи верующими, перешли в другую религиозную общину;
- 9,4% затруднились с ответом (рисунок 2).

Факторный анализ влияния на религиозную самоидентификацию показывает, что первое место в религиозном выборе казахстанцев в большей степени predetermined ближайшим окружением: родственниками, друзьями, соседями (46,9%). Вторым по значимости мотивационным фактором названы настроения в обществе (15,4%). Третье место в мотивационной структуре каждый десятый респондент связал с воздействующим влиянием специальной литературы и Интернет-ресурсами (10,3%). На четвертом месте по влиянию на религиозный выбор личности оказывается общение со священнослужителями и миссионерами (8,0%), на пятом – влияние модных тенденций на религиозность в обществе (5,1%) (таблица 1).

Контуры религиозности и реконструкция модели

Характер оценивания религиозности в качестве изначального атрибута человека проявляется позитивное отношение к религиозной субстантивности у 69,4% респондентов, у каждого пятого (20,2%) указывает на преобладание материалистической картины мира, у каждого десятого (10,4%) – на отсутствие потребности в предельных мировоззренческих ориентациях (рисунок 3).

Ответы респондентов на вопрос о религиозной самоидентификации (2012 г.) выявили картину, согласно которой 96-97% опрошенных не затрудняются с выбором мировоззренческой идентичности. Довольно проблематично осуществляется самоидентификация с верующими, при которой только 10,3% респондентов указывают на свою принадлежность религиозной общине, а 56,2% отмечают, что не участвуют в религиозной жизни.

На конкретизирующий вопрос об отнесении себя к верующим в зависимости от степени определенности этого статуса однозначно называют себя верующими 43,8% респондентов и еще примерно каждый третий (34,4%) склонен относить себя к группе «скорее верующих, чем неверующих». Почти каждый пятый (18,7%) отождествляет себя с неверующими (рисунок 4).

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос «Как изменялись Ваши религиозные убеждения в последние 3-5 лет?»

Таблица 1 – Факторы влияния на религиозные убеждения и жизненные ориентации

Факторы влияния	Степень влияния
Влияние ближайшего окружения: родственников, друзей, соседей	46,9
Следуя существующим настроениям в обществе	15,4
Затрудняюсь ответить	12,6
Изучая специальную литературу, Интернет-ресурсы	10,3
Беседы со священником, миссионерами, другими религиозными служителями	8,0
Влияние модных тенденций на религиозность в обществе	5,1

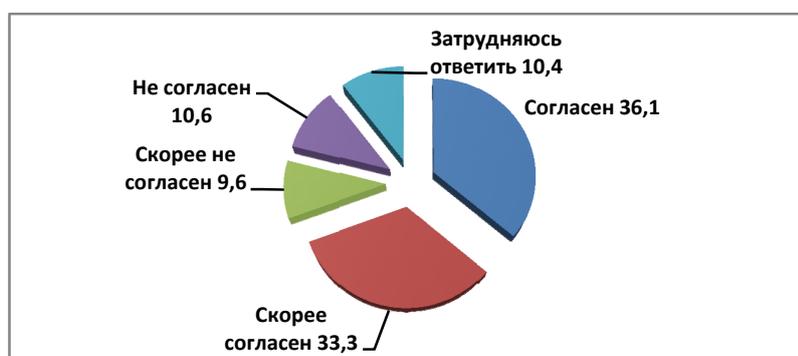

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы, что религиозность – это изначальное свойство человека?»

Исследование предельных оснований мировоззренческих координат с выявлением корреляций на маркеры религиозного/атеистического сознания проявило достаточно сложную картину трансформации представлений. Так, респонденты демонстрируют отсутствие преобладания атеистической парадигмы при определении ре-

лигии как невежественного самообмана (согласны – 20,9%, не согласны – 62,6%) и способа ухода в иллюзорный мир (согласны – 23,5%, не согласны – 57,6%), с одной стороны, и в то же время проявляют амбивалентность оценок в отношении тезиса о существовании бессмертной души (42,7% – согласны и 37,7% – не согласны)

– с другой. Поляризация мнений по поводу суждения о существовании наряду с действительным миром другого, особенного, непознанного нами, который мы не можем воспринимать непосредственно (согласны – 55,5%, не согласны – 28,9%) демонстрирует мировоззренческую близость к научной рефлексии. Уходят от ответа (в силу незнания) от 15,6% до 19,6% респондентов (рисунок 5).

Мировоззренческие коллизии в диапазоне «знание-вера» для респондентов проявились не в пользу знания. Знаниевая ориентированность в доказательстве бытия Бога характерна для 34,5% респондентов, что меньше численности тех, кто не считает необходимыми научные изыскания в отношении подтверждения/опровержения факта существования Бога (46,3%), практически для каждого пятого респондента (19,2%) на этот вопрос пока нет сформированного мнения (рисунок 6).

Проводимый с 2009 г. по 2014 г. мониторинг религиозности с целью выявления контуров модели, описания динамики, характера процесса и др. проявил обстоятельства, в соответствии с которыми выявлены контуры модели религиозности. Так 96-97% респондентов не затрудняются с выбором мировоззренческой идентичности и в 65-75% случаев самоидентификаций соотносят себя с верующими, причем, указывают на следование религиозной традиции в семейной группе

55-70%. При исследовании вовлеченности в религиозный образ жизни, предписывающий поклонение, ритуализацию, оказывается, что около 43% семейных групп совмещают религиозные и светские традиции. Собственно религиозный образ жизни (включающий в себя не только обрядность, но прежде всего – соизмерение своего образа жизни с религиозной доктриной, канонами религиозной жизни и строгим им следованиям) отличает не более 14%-19% взрослого населения. Из них только около 10% указывают на свою неразрывную связь с религиозной общиной, и еще меньше – до 8% – со строгими следованиями канонам веры. В процессы религиозной конверсии вовлечены 5-14% взрослого населения. Манифестируют свою отдаленность от религии до 9% (в том числе 5-7% вообще не рефлексируют по поводу религиозности), заявляют об атеистическом мировоззрении – 10-12%.

Реконструкция модели религиозности воспроизводит характеристики современного мировоззрения казахстанцев, обнаруживает масштабы влияния религиозной составляющей на гражданский контекст жизни. Воссозданная модель религиозности полезна в разработке принципов формирования светской модели государства в Казахстане с определением в ней назначения институтов гражданского общества, включая религиозные организации.

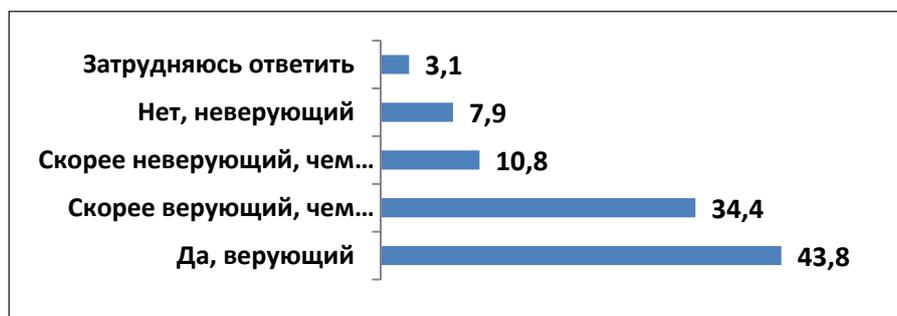

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что Вы – верующий человек?»

Будущее казахстанской государственности в контексте мировоззренческих проекций

По сравнению с исследованиями десятилетней и пятилетней давности, в социологическом мониторинге 2014 г. фиксируется существенный рост числа респондентов, которые проецируют будущее Казахстана в качестве государства с религиозным статусом (динамика, согласно

измерениям, проведенным в сходной методологической традиции и методической парадигме, возрастает от 4,1% в начале 2000 г. до 7,8% в 2005 г. к 13,6% соответственно в 2014 г.), что прямо указывает не только на расширение поля влияния религиозной идеологии, но и проявляет вектор укоренения ее авторитета в массовом сознании (рисунок 7).

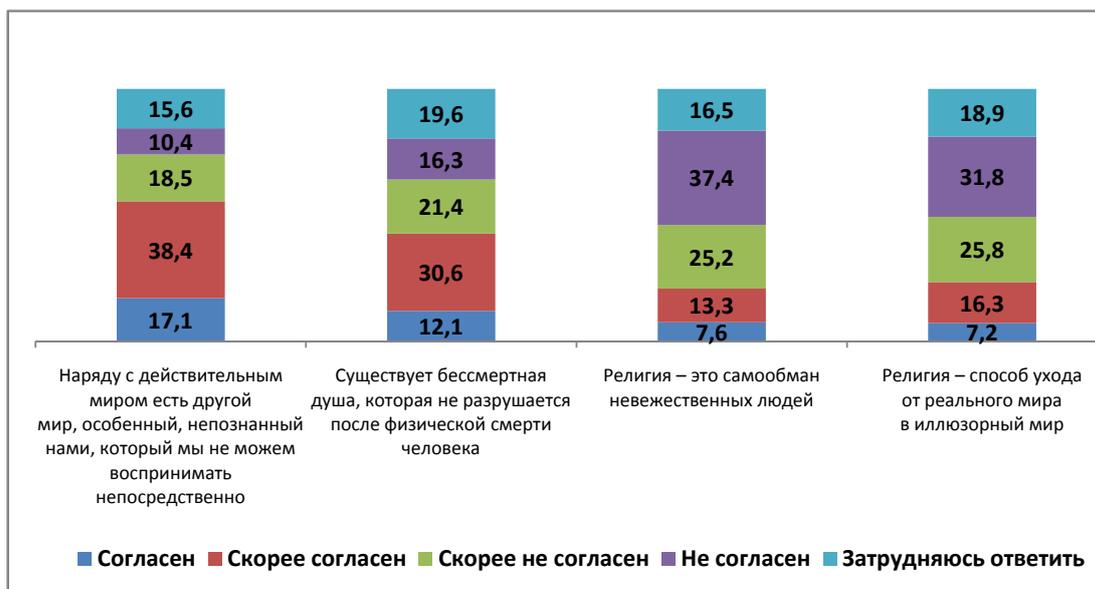

Рисунок 5 – Распределение ответов на вопросы: «Согласны ли вы с утверждениями...»

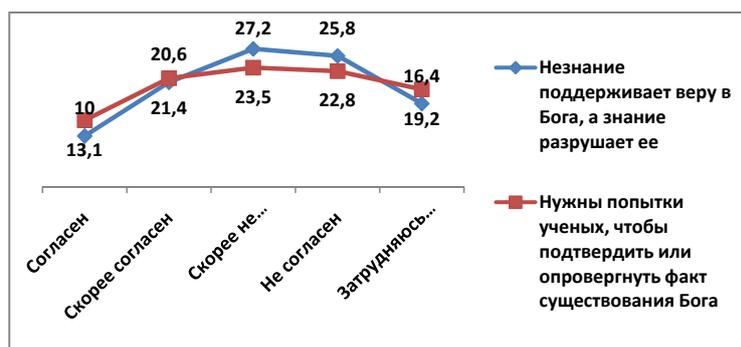

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос «Согласны ли вы с утверждениями...?»

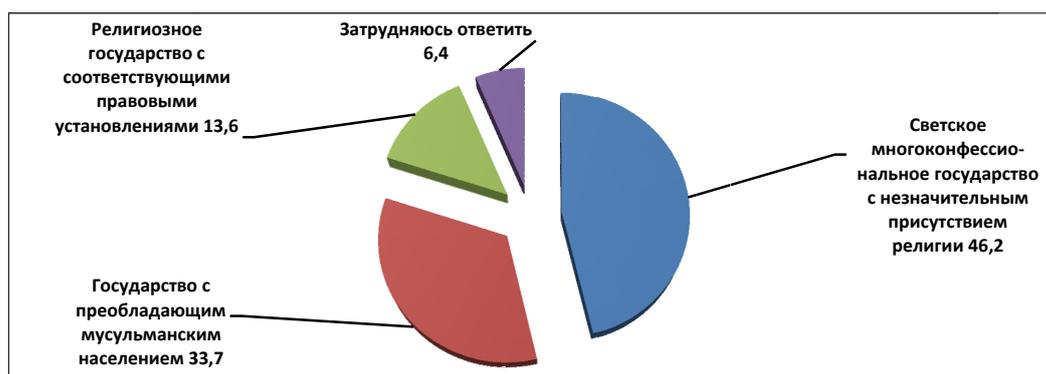

Рисунок 7 – Распределение ответов на вопрос «Каким Вы видите будущее Казахстана как государства?»

Иное мнение у экспертов, которые на вопрос «Каким Вы видите Казахстан в обозримом будущем: светским или религиозным государством?» ответили следующим образом: только в 4% ин-

тервью связывают будущее Казахстана с религиозным статусом, один из экспертов отметил, что «имидж у Казахстана как государства сформирован религиозный, за рубежом нас считают рели-

гиозной страной», 96% экспертов обосновывают светскую модель государственности, поясняя мотивы выбора:

- для перспективного развития (следование демократическим и рыночным принципам) страны государство должно быть светским, кроме того, в стране много различных конфессий – не должны ущемляться их права;

- слишком много конфессий на территории и религиозность государства чревата конфликтами и подавлением свободы выбора;

- Казахстан я все-таки вижу светским государством, религиозным государством стать невозможно, так как здесь ведется большая политика. А политика и религия в современном мире сочетаются очень плохо;

- хотелось бы видеть светским, а каким будет, например, лет через 30-40, это еще не совсем понятно;

- будущее страны за наукой, а религия – дело сугубо глубоко личное;

- религиозность не столь глубока и радикальна, чтобы были предпосылки к созданию религиозного государства. Кроме того, Казахстан – многоконфессиональная и многонациональная страна;

- Казахстан будет и должен оставаться светским государством. Религиозность предполагает выбор в пользу одной религии. Казахстан является поликонфессиональным государством;

- демократия предполагает отделение религии от государства. Демократическое будущее Казахстана должно придерживаться этого принципа;

- успешное государство – это только светское государство, которое идет по пути построения

разностороннего межконфессионального диалога и развития толерантности;

- Казахстан – многонациональное и многоконфессиональное государство, и у каждого должен быть свой выбор. И тем не менее все религии должны находиться под государственным контролем;

- думаю, что светским, но и люди должны быть высоко духовные;

- поскольку наше общество уже стало поликонфессиональным, то правильнее было бы чтобы оно оставалось светским, где провозглашается свобода совести;

- светским, многонациональным, поликонфессиональным – это история и наша судьба;

- в Казахстане никогда на протяжении ее истории не было превалирования религиозного мировоззрения, и свобода духа и действий в казахак сильнее, нежели религиозность;

- только светская модель будет способствовать развитию государства, его конкурентоспособности.

В массовом опросе исследовались проекции представлений респондентов в отношении мировоззренческого будущего детей. На вопрос «Какой бы Вы хотели видеть связь с религией у Ваших детей?» проявлены интересные ожидания в отношении религиозности детей, в соответствии с которыми треть (32,6%) респондентов хотела бы видеть своих детей верующими, вовлеченными в религиозную жизнь, а 66,7% – уважающими религию, но с позиций сторонних наблюдателей за религиозной жизнью. 12,1% предпочли бы, чтобы дети были равнодушны к религии, а 9,3% – чтобы стали атеистами (рисунок 8).

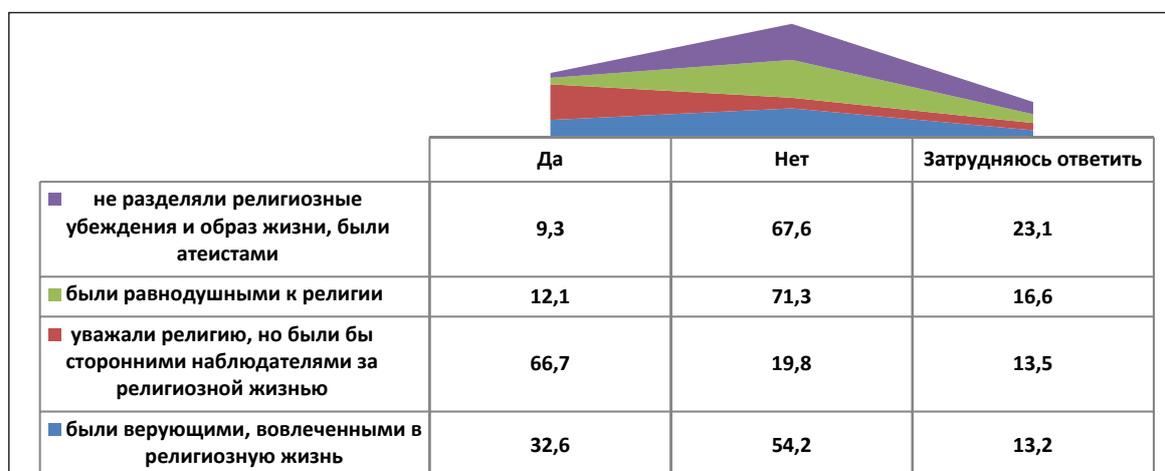

Рисунок 8 – Распределение ответов на вопрос «Какой бы Вы хотели видеть связь с религией у Ваших детей?»

В массовом опросе 2014 г. респонденты, отвечая на вопрос о том, какие действия в отношении религии необходимы в современном казахстанском обществе, отметили, что:

- «не следует акцентировать значение и способствовать возрастанию роли религии в казахстанском обществе» (39,9%);
- «необходимо расширить влияние религии в

культуре» (21,8%);

- «необходимо расширить влияние религии в политике» (15%);
- «необходимо преподавание основы религиозных знаний в школах, колледжах, вузах» (13,1%);
- «необходимо выделять квоты для религиозных деятелей в Парламенте (8,2%) (рисунок 9).

Рисунок 9 – Распределение ответов на вопрос «Какие действия в отношении религии необходимы в обществе?»

Осознание ключевых задач взаимодействия государства и религии показало, что респонденты видят перспективность в согласительной, а не в конфликтологической парадигме. Формулирование респондентами 2-3-х наиболее актуальных ключевых задач взаимодействия государства и религии показало, что все суждения сформулированы в контексте концепции светскости государства, где основополагающими принципами выступают:

- «сохранение разделения (отделения) государства и религии», когда «государство и религия должны вести каждый свою политику, но при этом помогать друг другу»;
- «невмешательство в дела друг друга при строгом соблюдении закона»,
- «взаимное уважение, помощь государства религии: нельзя религию сбрасывать со счетов»,
- «открытость к взаимному диалогу»,
- «обеспечение свободы выбора мировоззрения»,
- «сохранение принципа толерантности и равенства всех религиозных конфессий»,
- «неиспользование религии в политических целях»,

- «недопустимость противоречий между государством и религиями»,

- «сохранение и развитие толерантности».

Были обрисованы контуры государственно-конфессиональной политики, при реализации которой «государство и религия должны быть едины», «должны идти в одну ногу», «чтобы решали проблемы сообща», «главное – чтобы государство и религия шли рядом, чтобы было уважение всех религий», «свобода выбора религии». Респонденты отметили, что во «взаимопонимании задач и ответственности» важно «соблюдение закона, любовь и уважение к людям, развитие религий».

Общность задач религии и государства респонденты мотивируют тем, что «народ доверяет и религии, и государству». Поэтому «государство и религии не должны противоречить друг другу», а наоборот, «объединить усилия в таких направлениях деятельности, как:

- сохранение мира и согласия в обществе, обеспечение стабильности в обществе;
- формирование системы общечеловеческих ценностей, пропаганда нравственных ценностей, в первую очередь – в среде молодежи», ра-

бота с молодежью должна стать приоритетной в Министерстве образования и науки;

- содействие образованию в вопросах веры и духовности, совместные действия по повышению грамотности и воспитанию;

- воспитание молодежи в духе уважительного отношения и к государству, и ко всем религиям, которые способствуют единству народа;

- просвещение, воспитание, соблюдение прав человека, пропаганда процветания и дружбы народа, неделимости страны;

- воспитание религиозности среди государственных деятелей, это будет положительно складываться на общей массе;

- формирование здорового образа жизни;

- решение насущных социальных проблем: бедность, наркомания, коррупция;

- развитие благотворительности, попечительства.

Высказываясь за сотрудничество государства и религии как социального института, преобладающее число респондентов имеет в виду продолжение способствовать «взаимодействию традиционных религий, в том числе – на международном уровне», поддержку «традиционных для Казахстана религиозных конфессий (ислама ханафитского мазхаба, православия)».

С учетом результатов мониторинга религиозности населения, а также в связи с действующими нормами Конституции РК полагаем недалекими следующие утверждения, которые транслируются в качестве идеологем:

«Казахстан – исламское государство», «Казахстанское общество является мусульманским», «Казахстан (казахи) – часть исламской уммы», «70% (как вариант – 80%) населения Казахстана – мусульмане» и т.д.

Предлагаем активизировать такие посылы, как «Казахстан – светское государство».

«В Казахстане, как светском государстве, мирно сосуществуют как традиционные для истории и культуры народов, проживающих в Казахстане, так и новые религии».

«В современных условиях религия может использоваться как политический ресурс, поэтому важно знать о социокультурной роли религии и понимать, что под «флагом» религии могут действовать псевдорелигиозные структуры».

«Отношения государства с религиозными организациями определяются светским, конфессионально нейтральным характером государства и его институтов, отделением религиозных объединений от государства».

«Государство не вмешивается во внутреннюю деятельность религиозных объединений, предлагает сотрудничать с религиозными объединениями в тех сферах, где это необходимо для достижения общественного согласия, для воспроизводства атмосферы духовности».

«Государство открыто в реализации политики в сфере свободы совести и вероисповедания на всех уровнях государственной власти и управления».

«В Казахстане конституционно провозглашен принцип свободы совести и свободы вероисповедания, а равенство прав и свобод человека и гражданина обеспечивается независимо от отношения к религии, принадлежности к религиозным или светским объединениям».

«В Казахстане реализовано правовое равенство религиозных объединений в осуществлении ими богослужебной и внебогослужебной деятельности (равенство религиозных объединений перед законом), а за государством остается контроль за соблюдением религиозными объединениями казахстанского законодательства».

Религия, религиозность, религиозная идентичность существенным образом влияют на выбор образа жизни все большего числа казахстанцев, что следует учитывать при разработке эффективной государственной политики. Исследование феномена религиозности в контексте изучения состояния и тенденций религиозного сознания становится одним из приоритетных направлений социогуманитарной науки. Выступая фактором социализации, религиозность способствует акцентированию традиционной этноконфессиональной идентичности, так и расширению возможностей конверсии, меняет модель религиозности населения. Религиозность населения – один из самых динамичных социетальных факторов, который существенным образом влияет на цели развития общества, меняет ценностно-смысловой контекст жизнедеятельности граждан, форматирует новую идентичность.